

ИНДЕКС 437

Виктор Трифонович Слипенчук – известный писатель, поэт, публицист. Его произведения переведены на множество языков мира. По его произведениям созданы театральные и радиопостановки, сняты фильмы. Он – большой друг редакции «Аргументов недели», и сегодня публикуем его очередной рассказ. На этот раз автор делает небольшой экскурс в то время, когда он, начинающий писатель, проходил службу в рядах Советской армии.

МЕНЯ призвали в армию сразу после института. Военком спросил (мы стояли в шеренге):

- Специальность?
- Учёный-зоотехник.

Военком озадаченно задумался, не понимая, в каких войсках можно мою профессию употребить. Но уже в следующую секунду, как бы подводя итог своему внезапному размышлению, твёрдо сказал:

– Учёный-зоотехник?! Очень хорошо! Техники нам нужны – пойдёшь служить в танковые войска.

Лежим мы одетыми на матрасах в каком-то складском помещении в Белоруссии на бетонном полу. Мы – это семь человек с Алтая и другие прибывшие в армию из разных уголков СССР. Сопровождавший нас сержант сказал:

– Ждите! Будут заходить очень важные люди, зададут вам какие-нибудь наводящие вопросы. Отвечайте толково – для вас это единственная возможность попасть на службу в соответствии со своей профессией. Думаю, объяснять не надо, что служить в соответствии с профессией легче.

И действительно, заходит какой-то шупленький лейтенант с планшетиком, достаёт ученическую тетрадку в косую линейку для первоклассников и кричит:

– Музыканты есть?! Подходите!

На крик встали три человека. Он записал их и ушёл с ними.

Входит другой лейтенант, и тоже с криком:

– Спортсмены есть?!

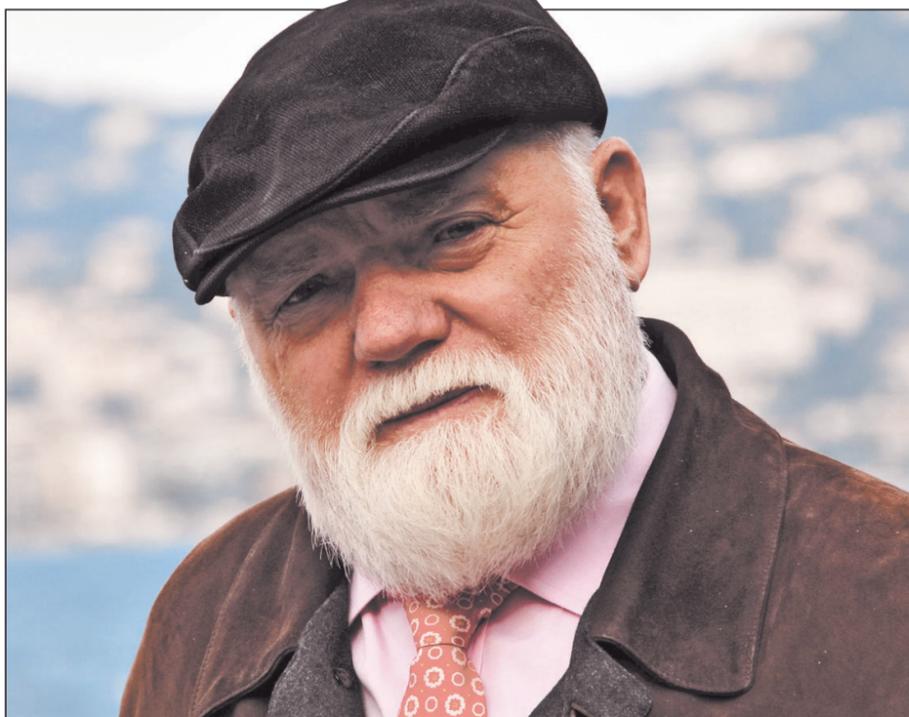
Поднялось человек пять. Переписал. И тоже удалился с переписанными. Потом приходили другие начальники, выкликали плотников, столяров и даже стеклодувов. Из наших (с Алтая) нашлись столяры и плотники.

Сопровождавший нас сержант, уходя, сказал, что всех, кто не попадёт в списки с учётом профессии, помимо учёбы в классах (на механика-водителя средних танков) ждёт весёлая жизнь – муштра на плацу. Причём с утра до вечера с обязательной маршировкой возле трибуны, потому что 40-я дивизия генерала Ахромеева – дивизия особенная, под контролем самого министра обороны. Теперь все будущие парады в Минске – ваши.

В общем, лежу, размышляю: парады, конечно, хорошо, но муштра с утра до вечера – это чересчур... Когда стихи писать – непонятно. В то время я уже считал себя состоявшимся поэтом и хотел попасть в списки в соответствии с профессией с одной целью – писать стихи. Но профессии «поэт» не было и нет. Это звание в РСФСР присуждается народом и, как правило, после смерти. Не зря писатель Виктор Петрович Астафьев шутил, что в России, чтобы тебя признали писателем, надо прежде помереть.

Из важных персон долго никого не было. Кто-то из лежавших весело заметил, что, видимо, больше нет нужды в стеклодувах. Остались муштра и парады.

Разом заговорили, что парады, в общем-то, хорошо – по телику будут показывать. Настроились на парады, и вдруг появляется действительно очень важная персона – майор. Причём по осанке было видно, что этот майор на должности какого-то очень большого начальника и ему нужен не просто боец с какой-то профессией, а с профессией особенной. Такой особенной, что по взгляду, каким

он окинул нас, чувствовалось, что среди нас, лежавших на матрасах, в принципе не может быть такого бойца – не то это место. Не знаю почему, но ещё никакой мысли не было, а сердце торкнулось – пришли за тобой.

– Сценаристы есть?! – спросил майор негромко, но как-то очень внушительно. И тут после некоторого молчания все враз зашумели, перебивая друг друга.

– Сценаристы – это кто?! Артиллеристы-артисты?! Или – артисты-артиллеристы?!

Майор выждал.

– Вы, конечно, присягу ещё не принимали. Повторю – сценаристы есть?

Слово «присяга» возымело своё действие. Все поутихли. Я тоже внутренне подтянулся, сосредоточился. Сказать, что я – сценарист? Но я никогда не писал никаких сценариев. И в то же время поэты Пушкин, Лермонтов, Некрасов умели писать и стихи, и прозу. В конце концов, муштра никуда не денется. Как-то сразу вспомнилось, что всюду нас, призывников, предупреждали – на все вопросы начальства, тем более военного, всегда отвечать уверенно и чётко.

Солдат – достояние государства, тут не к лицу мямлить. Уверенность даже ерунде изначально придаёт весомость и значимость. Поднялся в полный рост и говорю, громко и со всей уверенностью, на какую только был способен:

– Я – сценарист!

Все на матрасах удивлённо привстали – ничего себе! – Сценарист?!

– Вот только что утверждал, что чабаном работал, овец пас, отару в тысячу голов.

– Чабан и сценарист – это одно и то же... Нет-нет, чабан покруче будет, может из любого сценариста барана сделать.

Майор подзывает подойти поближе, мой матрас был в самом углу склада. Подхожу.

– Фамилия?

Называю.

– Чем докажешь, что ты сценарист?

Напряжённое молчание возникло. Кто-то из призывников (есть такие неожиданные бойцы), словно и он уже вместе с майором ищет сценариста, повторил:

– Да-да, чем докажешь?

– Он сейчас сальто-мортале сделает...

Уверен, что в тот момент сальто-мортале было бы лучшим доказательством того, что я есть тот самый настоящий, без всякой примеси сценарист.

Впрочем, на этот случай у меня, скажем так, была другая домашняя заготовка. Вынимаю из пиджака небольшого формата коллективный сборник сти-

хотворений «Лирика» (1964) Алтайского книжного издательства, подаю майору.

В сборнике перед стихами были моё фото и закладка (обычный пустой авиаконверт). Майор Осипов (как оказалось, замполит 40-й дивизии) открыл сборник.

– О, это уже что-то!

Погрузился в чтение. На самом деле никакой заготовки не было. Это была моя первая публикация в Барнауле, и я взял с собой коллективный сборник, потому что сам не мог нарадоваться своей столь серьёзной публикации. Все умолкли, ждали, что скажет майор.

Он прочёл. Как-то очень по-домашнему усмехнулся, записал меня, и мы вместе пошли к командиру, капитану третьей роты сверхсекретного учебного батальона механиков-водителей средних танков.

Каждый день сразу после завтрака я уходил через КПП (контрольно-пропускной пункт) в ГДО – Гражданский дом офицеров. Там был музей 40-й дивизии, в котором был отражён её славный воинский путь.

Майор Осипов сказал, что ключ от музея буду брать у дежурного по Дому офицеров и моя главная задача сейчас – ознакомиться с героическим прошлым дивизии.

Рядом с музеем была размещена библиотека художественной литературы. Конечно, такое соседство пропустить я не мог.

Возле стойки выдачи книг стояли два молодых лейтенанта. Они о чём-то оживлённо беседовали, и я, не отдавая чести, встал за ними. Когда они ушли, библиотекари сделали мне замечание. Я решил всё перевести в шутку, пообещал, что в следующий раз прежде всего честь буду отдавать им. Мою шутку не приняли и не только не записали в библиотеку – посоветовали вообще не появляться у них. Почему попал в немилость – не понимал, но доискиваться не было времени. Майор Осипов требовал, чтобы «плотнее» ознакомился с экспонатами музея, проникнулся героическим прошлым дивизии.

Из всех экспонатов моё внимание привлекла пирамида из оргстекла, примерно моего роста, в которой висел генеральский мундир. Тщательно отглаженный, с широкими красными лампасами и золотыми позументами, он сиял как воплощение заоблачной мечты. Скажу откровенно, как только увидел мундир, сразу почувствовал, что по размеру он как раз на меня. Эта мысль была настолько соблазнительной, что я сразу отвернулся от пирамиды. И тем не ме-

нее успел увидеть не только прозрачную дверку пирамиды, но и задвижку на ней, которую можно легко отодвинуть простой пятикопеечной монетой. Тогда я ещё не знал, что искушение работает сразу и во всех направлениях.

Видит бог, всякий раз, являясь в музей, старался не смотреть на генеральский мундир. В течение целой недели контролировал себя, отворачивался от него, но в последний момент, когда закрывал входную дверь, мне было достаточно одного беглого взгляда, чтобы заметить всякие, даже мелкие, подробности, связанные с мундиром. В какой-то момент почувствовал, что мои ограничения не имеют смысла – всё знаю о мундире. И я решил сверить известные мне подробности с оригиналом, то есть посмотрел на мундир прямо во все глаза, словно на свою личную собственность.

И сразу всё, что собиралось по капельке, вдруг поднялось, и подхватило меня, и понесло неодолимой волной. Не было никаких сил противостоять. Я пробежал к входной двери и повернул ключ на два оборота. Для надёжности вынул его и положил в карман гимнастёрки. Всё остальное уже не контролировал, потому что не считал нужным контролировать.

И ещё замечу, в тот день уборщица стянула все ковры музея в кучу для отправки в химчистку, и они в какой-то степени мешали мне – постоянно наткался на них. И всё же...

Я словно влился в генеральский мундир. Он сидел на мне много лучше моей солдатской формы, которую, словно ненужный хлам, сбросил на кучу ковров.

Я пробежал по музею в поисках зеркала. Зеркала не было. Тогда вернулся к стеклянной пирамиде и в её невнятном, ломящемся отражении с помощью ухищрений увидел себя во всём генеральском блеске. К сожалению, а может быть, к счастью, тогда не было мобильных телефонов, и я не запечатлел себя в генеральском мундире. Тем не менее я порядком устал от внезапного перевоплощения из рядового в генералы – слишком большой была дистанция. Всего на минуту присел на гору ковров.

– Товарищ генерал, товарищ генерал! – Меня тряс за плечо замполит дивизии майор Осипов. – Скорей вставайте, сейчас придёт уборщица!

Я вскочил, ничего не понимая: какой генерал, какая уборщица?!

Майор, давая прийти в себя, удалился. Всё ещё ничего не понимая, бегло осмотрелся. И вдруг меня словно ударило током – на куче ковров лежала моя родная солдатская экипировка.

Переодевшись в свою родную форму, решил проскочить мимо настежь раскрытых дверей библиотеки. Меня неожиданно окликнули.

Я остановился. Сонм мыслей. Майор Осипов наверняка рассказал о моём перевоплощении в генералы! В общем, ничего хорошего не ждал – все библиотекари в ГДО, как правило, жёны военных. И вдруг:

– Вы хотели записаться в библиотеку – давайте ваши данные.

Много дней спустя, когда наши отношения стали вполне дружескими, я спросил, почему вдруг сменили гнев на милость.

В ответ они очень весело рассмеялись. Оказывается, моё облачение в генеральскую форму явилось для них неоспоримым свидетельством того, что я и они, так сказать, одной крови.

Моё постоянное отсутствие в расположении части вначале практически никем не замечалось, кроме замкомвзвода сержанта Пульгребяка. Особенно его возмущала моя общая тетрадь для сти-

хов, которую носил за голенищем. И в которую, якобы по требованию замполита дивизии, я вносил необходимые заметки для сценария о нашей дивизии. Впрочем, мои ухищрения сержанта не трогали. У него на всё был один ответ:

— Не положено.

Потом уже и тетрадь в тумбочке, всё равно, увидев меня, не пройдёт мимо, обязательно зацепит — и то и другое не так, не по уставу.

Сказать, что все его замечания были для меня как горох об стенку, не могу. Особенно после зачётных стрельб, на которых выбил двадцать семь из тридцати. На первый взгляд — результат рядовой. Тут дело в том, что все пули я рядком положил — восемь, девять, десять. Сразу после стрельб командир взвода (очень молодой стеснительный лейтенант, с лицом как бы опухшим от угрей) похвалил мою меткость. Сказал, что такая стрельба при штурме с ходу лично им оценивается даже выше, чем три в десятку.

В общем, после стрельб возник слух, будто бы я сказал, что солдат, совершивший самое серьёзное нарушение устава, попадает не в тюрьму, а в дисбат — дисциплинарный батальон. А там, в дисбате, за любой проступок больше двух лет не дают. Своеобразный далёкий нехороший намёк, что во время очередных стрельб разберусь с придирами Пульгребяка.

Никогда ничего подобного не говорил. А тут ещё из соседнего взвода неожиданно подскакивает чечётчик Семёнов. У него на подошвах туфель алюминиевые пластинки (он мне показывал), чтобы выбиваемая дробь на сцене была более отчётливой. И говорит:

— Прости, пожалуйста, что отвлекаю (я как раз подшивал свежий воротничок). Пришла посылка. Возник спор на бутылку. Поцелуй — это что: Любовь или Наслаждение?

— Я хотел отмахнуться, а он:

— У тебя единственного в батальоне высшее образование, ты среди нас самый умный. Всем интересно твоё мнение.

Невольное подумалось с удовольствием — а-а, наконец-то дошло, кто с вами служит?! Вокруг меня сгрудились бойцы (едва ли не вся рота), личное время позволяло. Я на какое-то время даже несколько призадумался, чтобы не уронить себя. В самом деле, поцелуй — это что: Любовь или Наслаждение?

— Полагаю, что это Любовь, — сказал я.

— Прошу, не торопись, подумай — на кону бутылка, — стал увещивать чечётчик Семёнов.

— Да что тут думать: поцелуй — это Любовь! — рассердился я, искренне полагая, что раз в батальоне я самый умный, то сомневаться в моих суждениях никому не пристало.

— Ну, тогда — поцелуй меня в жопу, — сказал чечётчик Семёнов.

И всё вокруг как бы взорвалось в весёлом смехе.

— Да ты что, обиделся? — сочувствуя, спросил Семёнов.

Его окопный юмор действительно был обидным, особенно после высказываний, что я самый умный.

— Да нет, ничего, — сказала я.

— Нет?! — как коршун взмыл чечётчик Семёнов. — Тогда поцелуй меня в жопу ещё раз!..

Как бы там ни было, наскок чечётчика Семёнова, натянутые отношения с замкомвзвода заставили задуматься — в чём дело, что делаю не так? Пришёл к неутешительному выводу, что виною всему мои постоянные хождения в ГДО. Они настолько сузили моё пребывание среди сослуживцев, что те стали воспринимать меня как инородного.

Я не знал, что предпринять. Благо нам предстояло участие в параде 9 Мая и всякие кружки в ГДО были отменены. Теперь никого не интересовали ни сценарии, ни виртуозная игра на баяне, ни семёновская чечётка — всё было подчи-

нено строевой подготовке. Я ещё ничего не знал об отмене и на построении обратился к сержанту с просьбой, чтобы отпустил меня в Дом офицеров писать сценарий о нашей дивизии. Он понимающе ухмыльнулся:

— Отныне будете писать сценарий на плачу. Все дополнительные указания по строевой подготовке получите от младшего сержанта третьего отделения.

И началось...

— Выйти из строя!.. Встать в строй!.. Одеться — 41 секунда. Раздеться — 40 секунд. Форма одежды №2 — кросс... Тяни носок — выше, выше!.. Держать общую линию!..

Единственная радость — накануне майских праздников привезли нас в Минск. Выгрузились. Все в парадных кителях. Я в парадной коробке в десятом ряду, правофланговый. А у всех правофланговых (такой порядок) — на плечах погоны сержантов и на груди, как орден, значок отличника строевой и учебной подготовки. Первые три шеренги в коробке — правофланговые наши настоящие сержанты, а коробка двенадцать на двенадцать. Словом, благодаря росту попал в правофланговые и, естественно, как правофланговый, на время парада получил погоны сержанта.

В общем, выгрузились в Минске среди многоэтажек, как раз напротив общежития пединститута. Перед выходом на площадь стоим в коробке, ждём своей очереди. А в общежитии в основном девушки — молодые, задорные, расселись на подоконниках, свесили обнажённые ноги и давай карманными зеркальцами запускать солнечных зайчиков прямо на лица. Нам реагировать нельзя — команда «Смирно!». А им хоть бы что — хохочут, весело им. И нам, конечно, весело, только мы виду не подаём, стоим как истуканы. Сержанты наши тоже в деле, у них через полгода дембель — знакомство с девушкой не помешает. Кажется, откуда знать студентам про дембель — знали. По обилию солнечных зайчиков, пляшущих по лицам сержантов, это легко угадывалось.

Поступила команда — вольно! Мы ожили, стали жмуриться, весело фыркать — в общем, реагировать на зайчиков. А они, студентки, стали вслух обсуждать нас, мол, вон тот сержант в третьем ряду очень хорош. А мне нравился в первом ряду. Бросяй свой первый ряд, переключайся на десятый. И тут почувствовал — вокруг меня запрыгали ослепляющие блики, причём со всех сторон. Конечно, я среагировал, закрыл глаза рукой, и тут же сержант Пульгребяк, как ястреб-стервятник, налетел на меня. Приревновал, что солнечные зайчики с первого ряда на десятый переключились.

— Послушай, — сказал ему. — Я, как правофланговый, сейчас такой же сержант, как и ты. И на меня, как и на тебя, равняется шеренга.

— Ах, вот как! — вскипел он и пообещал разобраться со мной в нужное время, в нужном месте.

Конечно, ничего хорошего я не ждал. Но тут неожиданно вышел приказ министра обороны, что всем рядовым с высшим образованием отныне предписывается служить в армии один год. И что хорошо — в нашей учебке сразу же началась пертурбация. Всех с высшим образованием собрали в нашем сверхсекретном батальоне и замкомвзвода поставили нового сержанта. Теперь Пульгребяку не было никакой возможности дотянуться до меня.

Нас, с высшим, набралось шестнадцать человек. По численности — половина взвода. В течение двух недель нам устроили экзамен по матчасти танка. Мы все, конечно, успешно сдали. Потому что матчасть была сверхсекретной, вся под пломбами.

Вообще благодаря сверхсекретности случались забавные случаи. Нас

предупреждали, чтобы мы не теряли бдительности, не разглашали военную тайну, наши письма будут проверяться. И вот однажды именно с целью проверки пришёл к нам в учебный класс замполит батальона. Сразу после приветствия спросил:

— Рядовой Герасименя здесь?! Герасименя, что согнулись? Встаньте, как положено... Что, Герасименя, наука кого хошь в бараний рог согнёт? Обращаюсь ко всем. Вы были предупреждены, что в письмах запрещается делиться впечатлениями о службе — вы в сверхсекретном батальоне. У меня два письма. Одно от друга Герасимени, который служит в Заполярье. А другое — от Герасимени. Друг пишет, что служба в целом ничего. Одно плохо — холодно. Уже не помню, когда без рукавиц обслуживал технику. В ответ наш Герасименя выступил как большой и мудрый философ: «Ты пишешь, что не можешь привыкнуть к холоду. А я даже не понимаю, о чём это ты. Лично я сижу в тёплом светлом классе. На столе макет двигателя в разрезе. На стенах плакаты — система смазки, система охлаждения, а мне всё пох...!» Во как завернул — философ. Государство со всех сторон старается обучить Герасименю. А нашему Герасименю — всё пох...

* * *

Теперь, когда сроки службы для солдат с высшим образованием были сокращены, главным для нас было сдать вождение танков. И мы сдали. Впрочем, не могли не сдать, потому что новая машина, танк под индексом 437, оказалась очень лёгкой в управлении.

А теперь представьте широкую асфальтированную трассу Москва — Минск. Перед выездом на полигон нам какое-то время приходилось мчаться по ней. И мы мчались, поменяв железные гусеничные траки на капроновые. Мы неслись по ней, и всё вокруг останавливалось и замирало. Рёв 36-тонных «мамонтов» заглушал всё вокруг. Мы неслись действительно словно на водопой. Через триплексы было видно, как все гражданские средства передвижения прижимаются к обочине, пропуская нас, останавливаются. Хорошо помню неопишуемое чувство восторга и стрелку спидометра, прилипшую к цифре семьдесят. И ещё откуда-то взявшуюся уверенность, что на таком танке и до Ла-Манша рукой подать.

Новые сверхсекретные машины находились в постоянном внимании представителей с завода. Мы по-своему тоже участвовали в доводке танков, только с другой, обратной стороны. Нам дозволялось, скажем так, любое техническое насилие над танком. В бою не до технического обслуживания. В бою танк обязан в любой самой запредельной ситуации быть послушным механику-водителю, потому что в бою главная цель — победа! Победа над врагом.

Все приезжавшие к нам заводчане были в возрасте, и все в простых солдатских фуфайках — не поймёшь, в каком они звании. Мы их всех называли «дедами».

Как-то сижу в курилке. Подсаживается «дед», заинтересовался, почему при обслуживании танка пользуюсь не заводскими ключами, а старыми от Т-56. Думаю, ну вот, попался. Откручивал болты насадкой от ключа — вставляю в насадку монтировку, крутану её, и она за счёт веса монтировки крутится по инерции, откручивает болт. Таким путём сберегал время, чтобы лишнее не переодолеть.

В курилку входит наш дивизионный технар майор Корбут. (Запомнилась фамилия, потому что тогда гимнастка Корбут сияла на мировой арене.) Отдал честь «деду», на меня ноль внимания. Невольно подумал — какое сильное уважение к заводчанам. Стою, готовый покинуть расположение курилки. «Дед» пожал руку майору и говорит:

— Пусть рядовой покурит.

Майор опять отдал честь и удалился. Я поблагодарил «деда» — мол, спасибо, спас сигарету, только что прикурил.

— А ты какие куришь?

— «Прима», гродненские, они у нас на вес золота.

Он засмеялся, когда-то и он их курил, теперь вообще не курит.

Немного полноватый, в рабочих штанах и солдатской фуфайке, на фоне военной строгой выправки он выглядел каким-то чересчур мягким и даже каким-то допотопным, но это не отторгало. Казалось, что все предметы вокруг и даже грозные танки выглядят рядом с ним какими-то ручными, одомашненными животными.

Поинтересовался, кем собираюсь быть на гражданке. Я сказал, что не хочу врать, но и правду сказать не могу. Он усмехнулся, мол, и он в мои годы писал стихи. Это было так неожиданно и так в точку, что я на какое-то время опешил. А он — да ты не переживай. Он никому не скажет, он когда-то тоже писал стихи. И как резюме — поэзия должна быть во всём — и в танке тоже.

Потолковали мы с ним ни о чём, и я удалился.

Через два дня пригнали нас на техобслуживание, заводчанам в помощь. У нового танка стоит майор Корбут. Спрашиваю, можно ли приступить к обслуживанию. Говорит:

— Приступай, но прежде возьми вот этого кота в мешке. — Подаёт довольно красивый холщовый вещмешок. — Велено передать тебе из рук в руки.

Я очень удивился, даже немного растерялся. Майор Корбут уловил растерянность.

— Да ты раскрой вещмешок.

Я раскрыл. В вещмешке была насадка (головка) ключа и к ней стальное приспособление, очень похожее на монтировку с некоторым утолщением по изгибу.

— Ключ для нового танка, — сказал я, узнав в нём своё приспособление, вполне полное с заводской соразмерностью и тщательностью.

— Так точно, — сказал майор Корбут и, самолично вернув ключ в вещмешок, спросил: — Понял, от кого привет?

— Ещё бы! — сказал я.

* * *

Перед самым дембелем меня вернули в часть с курсов лейтенантов, потому что проштрафился — попал на гауптвахту. В деревеньке рядом не было гармониста. По просьбе деревенских играл на местной свадьбе. На свадьбе солдаты (не из наших) передрались, и мне, как гармонисту, пришлось многих разборонять. Поутру выстрелил нас начальник курсов, и по рыжим усам меня как гармониста легко вычислили. За самоволку дали нарядов, как говорится, на всю катушку, отчислили с курсов.

Вернулся в часть, иду в штаб, а на встречу наш командир полка подполковник Нестеренко. Остановил меня.

— Есть подлецы с низшим образованием, а есть с высшим! — Поднёс к моему носу кулак в чёрной перчатке. — Чем пахнет?!

— Кожей, — сказал я в растерянности.

— Имей в виду, лично я с тебя семь кож спущу!

Как сейчас помню, было 14 декабря 1965 года, до дембеля оставалось ровно две недели. Меня оставили при штабе писарем, оформлял документы офицерскому составу и себе оформил — отличник строевой и учебной подготовки. И тут не было никакой подтасовки, из нашей учебки (такое общее правило) на дембель все уходило отличниками.

И ещё, о «деде» в фуфайке. Он оказался одним из генеральных конструкторов нового танка, в чине генерал-лейтенанта.

12.08.2025